

УДК 1:17:61 «19/20»

СОЦИОМЕТАФИЗИЧЕСКИЙ МИР ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАНИЙ (АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ XIX – XXI ВЕКОВ)

Е.Н. Песоцкая¹, С.В.Аксенова¹, Л.В. Чегодаева¹, Н.А. Немцова²

¹Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва" (430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), e-mail:cerera-office@mail.ru

²Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33), e-mail: natalyanemts@gmail.com

Аннотация. Решение социальных проблем в Новейшее время зависит от оптимальной модели межкультурного взаимодействия, разомкнутости человеческой феноменальности, которая в современной антропологии исследуется посредством уровневого и субстратного подходов. Особое место отводится познанию социометафизического мира личности, её нравственного императива и роли самосознания в русской философии прошлого столетия с целью обоснования эволюции аксиосферы личности, вопросов личностной свободы гражданина, его права, форм социализации, законотворчества и тенденций к развитию субъектного «я» при руководстве высшими ценностями. Базовые основания для изучения сфер деятельности личности затрагивают противоречивые «образы человека» на всех уровнях постановки и решения антропологической проблемы XIX–XX вв. последовательно связываются с принадлежностью его к обществу и с деятельностью человека, во-первых, как родового существа, во-вторых, как самоутверждающейся личностной индивидуальности, в-третьих, как практически деятельного и самореализующегося человека как этнорасового и культурно-типического существа с мерой конституционализма и инвайронментализма. Показана глубинная связь духовных ценностей с культурно-типическим субстратом мировоззрения личности в своей духовно-антропологической основе, актуальная в современной социальной философии и человекознании. Метафизическое конструирование индивида предопределяет конструирование социальной реальности, что помогает глубже и шире исследовать ценностные основания правовой практики, их модуляцию в реальные исторические традиции.

Ключевые слова: антропологический императив, морально-правовые идеи, социометафизический мир личности, социализация, аксиосфера, субстрат мировоззрения, ценностно-смысловые структуры сознания, принцип гуманизма, православное самосознание, нравственное основание, мораль, право, философия права, традиция, культура.

SOCIAL-METAPHYSICAL WORLD OF A PERSON AND SOCIAL CONSTRUCTION IN THE CONTEXT OF PROBLEM OF MORAL BASIS (THE ASPECTS OF SOCIAL-ANTHROPOLOGICAL COGNITION OF THE XIX – XXI CENTURIES)

E.N. Pesotskaya¹, S.V. Aksenova¹, L.V. Chegodaeva¹, N.A. Nemtsova²

¹Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Ogarev Mordovia State University" (430005, Republic of Mordovia, Saransk, ul. Bolshevistskaya, 68), e-mail:cerera-office@mail.ru

²Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "G. R. Derzhavin Tambov State University" (392000, Tambov, Internatsionalnaya Street, 33), e-mail: natalyanemts@gmail.com

Abstract. The solution of social problems in the Latest time depends on optimum model of cross-cultural interaction, open condition of human phenomenality which in modern anthropology is investigated by means of-level and substratny approaches. The special place is allocated to knowledge of the sotsiometafizichesky world of the personality, moral imperative and the role of consciousness of the Russian philosophy of the last century for the purpose of evolution justification aksiosfer of the personality, questions of personal freedom of the citizen, his right, forms of socialization, lawmaking and tendencies to development subject "I" at the management of the supreme values. The basic bases for studying of fields of activity of the personality mention contradictory "images of the person" at all levels of statement and the solution of an anthropological problem of the 19-20th centuries consistently contact his belonging to society and activity of the person, first, as patrimonial being, secondly, as the ego-tripping personal identity, thirdly, as almost the active and the self-actualizing person as an ethnoracial and

cultural and typical being with a measure of constitutionalism and an invayronmentalizm. Deep communication of cultural wealth with a cultural and typical substratum of worldview of the personality in the spiritual and anthropological basis, relevant in modern social philosophy and a knowledge about a man is shown. Metaphysical designing of the individual predetermines designing of social reality that helps to investigate more deeply and more widely the valuable bases of law practice, their modulation in real historical traditions.

Keywords: anthropological imperative, moral and legal ideas, sotsiometafizichesky world of the personality, socialization, aksiosfer, worldview substratum, valuable and semantic structures of consciousness, principle of humanity, orthodox consciousness, moral basis, morals, right, law philosophy, tradition, culture.

В период формирования на планете новой антропосоциальной структуры — общества, основанного на рекурсивно-коммуникативных взаимодействиях в условиях информационных рисков и неопределённости, потребность в мировоззренчески-методологическом прогнозировании, основанном на обращении к сложности процессов самоорганизации, означает формирование такого онтологического основания человеческого развития как самосознание личности и его культурно-типические особенности. В отечественной философской традиции антропологическое знание о сущности и фундаментальной структуре человека в его основных отношениях к природе, обществу, другим людям и к самому себе – глубоко специфично. Его специфика – в рассмотрении онтологических проблем человека, его самосознания, соотношения душевного и телесного, человека в конкретных ситуациях (исторической, социальной, экзистенциальной, инструментальной), а также его социометафизических границ, в которых и через которые происходит взаимодействие с миром.

В условиях постсовременного социального дискурса привносится понятие антропологический императива как особого нравственного закона, руководящего человеческой жизнью, что проявляется в сдвиге от объективно-механистичных констатаций к рефлексии. Черты рефлексии и самосознания современного человека учитывают ментальный характер социообъектов и глубину его собственной субъективности. Как творец социума человек имеет дело непосредственно со сценариями практики и формирует новую общественную топографию через субъектный тезаурус [1, с.31].

Так поднимается проблема ценности метафизических границ и ресурсов современной социальной реальности, меняющей стоимость ценностных ориентиров и значение человеческих качеств. Это связано и с тем, что прежнее знание о мире становится не вполне эффективным, очевидно неполным, поскольку ещё недостаточны размышления о людях и энергиях, о совершившемся бытии.

В этом контексте гуманитаризация науки возвращает нас к целостности знания, по сути представляющей собой сопряжённость этого знания с человеком и его особенностями. Последние в настоящее время оказываются в центре социально-философского дискурса. Из

характерных тенденций современного знания вообще — гуманитаризации, антропоцентризма и кибернетизации [14, с. 284, 268], именно антропоцентричность становится тем атрибутом и целостностью, обеспечивающими феноменальное пространство для анализа различных природных процессов и социально-общественных явлений. Анализ философско-антропологического опыта прошлого столетия показывает, что человека нельзя определить как ставшее бытие, поскольку он незавершён и открыт в своем развитии, его самосознание находится в процессе постоянного собственного преобразования и изменения. Человек – не только объект познания, он есть и субъект жизни, существо уникальное. В этом контексте актуально звучат голоса таких мыслителей как П. Я. Чаадаев, с его идеей «русского поля экспериментов», Н. Я. Данилевский, с его концепцией уникальности и перспективности российского четырёхосновного культурно-исторического типа, В. С. Соловьев, с его неоднозначной идеей софийности, русских религиозных мыслителей, деятелей культуры «Серебряного века». Этот ряд можно продолжать вплоть до нашего времени. Именно российская, «русская ментальность оказывается наиболее восприимчивой к эсхатологическим идеям христианства» [8, с. 211]. Нацеленность русского духа на реализацию идеального социального строя предрасполагает русский народ принять всем сердцем ту религию, где Бог есть Любовь [8, с. 211].

В связи с этим следует отметить, что в русской философии многое сделано для преодоления социологической трактовки человека. В ней формировалось представление о том, что не общество создаёт личность, а личность творит общественные отношения, и никакие «внешние влияния автоматически ничего не изменяют во внутреннем мире человека» [13; 21], осознании им себя, потому оформление ценностной системы зависит не только от выбора главной жизненной цели, но и от поиска человеком собственной философии жизни, в которой особое место отводится роли духовных ценностей. Обращение к сложившемуся методологическому единству в творчестве славянофилов, философия которых долго развивалась в органическом единстве с православной традицией и богословием, представляет познавательный интерес в том смысле, что рассмотрение метафизического мира личности здесь дополняется ещё одним немаловажным принципом, характерным для всей русской философии и социализации личности — единством нравственных норм и жизни, размышлений и святости. В процесс познания таким образом включается аспект энергетический, несущий скрытые энергии познающей личности. В европейской философии, начиная с платонизма и до конца XX века преобладала «элементарная модель» человека как «вторичного элемента» реальности, подчиненного «целому» – миру, бытию, Богу. И этот элемент окружен оболочкой чужеродной

ему природной и социокультурной среды. Как отношения части и целого выглядели и отношения между человеком и бытием.

Особое понимание целостности личности человека, её бытия, без толкования которых нельзя исследовать онтологию личности, складывается в религиозной антропологии. Ключ к пониманию человеческого целостного устройства в православной антропологии заключается в феномене веры личности; личность есть несводимость человека к природе. Вера личности отличает человека от его телесности и выступает средством самоизменений.

Самоизменения и изменения ценностно-смысловой структуры сознания современного человека - основополагающие в его дальнейшей эволюции, они определяются единством факторов коммуникативного, технологического и социального характера. К таковым причислены: «индивидуальное самосовершенствование и саморегуляция, «расширение» сознания, возвышение его экзистенциальных смыслов» [5, с. 195]. В настоящее время представители синергийной антропологии определяют человека как многоуровневую иерархическую систему [17, с. 862], феноменальные границы которой определяются духовными практиками, а понятие синергии [17, с. 867] мыслится как «фундамент цельной концепции человека, через которое исследуются тонкие состояния сознания». Синергийная антропология, помещая человека в социально-философский дискурс, «утверждает его как весьма сложную и динамическую реальность, способную к преобразованию структуры бытия... в трёх формах (энергийной, эссенциальной, виртуальной)» [2, с. 733].

Человеческие энергии как основа метафизического мира вовлекаются в целостную стратегию его пребывания в сущем и отдельные формы социализации. Неотъемлем от метафизических конструкций и этико-правовой морализм русской философии права. Русская традиция философии права обращается к метафизическим основаниям, а также к социальным и индивидуальным аспектам права и нравственности личности. Синтез морально-правовых идей помогает последней осмысливать свои действия, философско-теоретический потенциал нравственности, с целью чего исследуется философия идей и их ценность. Так, развитие идеи «самоочевидной абсолютности» нравственного сознания приводит к потребности осмысления границ и целей личностной свободы гражданина, нравственного императива как права на свободу волеизъявления при руководстве высшими ценностями.

Что касается абсолютной основы естественного права и нравственных действий, то она раскрывается только при метафизическом осмыслении, причём, социум «расширяет и восполняет личность» [15, с. 58] на путях обретения истинного знания о человеке. Основная истина о нём достигается при максимальном сближении с духовностью и абсолютными

ценностями. Она «заключается в его творческой активности, в преобразующей силе этой активности», - отмечали предшественники П. И. Новгородцева. Именно творческая личность является органом национального духа, проявляя сквозь призму своего внутреннего мира, своего разума духовную особенность соборного «Мы». Так, субстанциональная природа человеческого духа в антропологии Л. М. Лопатина [9, с. 132], панвиталистические представления о личности как «центральном онтологическом элементе мира» у Н. О. Лосского [10, с. 74], предшествуют философско-правовым концепциям в России и диалектически связаны с коренными проблемами русского духа и его творческой силы как центральной идеи метафизики.

Метафизические построения на основе трансцендентализма начала XX века косвенно сформировались под влиянием философии В. В. Соловьёва и представляют собой творческий поиск в области антропологии, из которой позже вырастают системные взгляды П.И. Новгородцева. Духовные установки А. И. Спира, Б.П. Вышеславцева, Я. Струве, П.И. Новгородцева связаны с оригинальной антропологией, в которой также присутствует проблема динамики духа, движущих сил, обуславливающих реализацию смыслов социальной деятельности в реляции к Абсолюту. Поворот к метафизике на почве критицизма у П.И. Новгородцева в философии права затрагивает как антропологическую проблему, так и проблему истоков православного правосознания, самосовершенствования личности, её духовной культуры и ценностей.

В частном правоотношении подчинение сторон правовому авторитету восходит к признанию духовной автономии и достоинства человека в социальном мышлении, и признанию человека как субъекта культуры, правосознание которого «покоится на любви к духу и на воле к безусловному благу» [7, с. 434]. Духовное восхождение православного человека от объектного уровня к Абсолюту мыслится как одухотворение. В основе сознательного ценностного выбора личности лежат ценностные ориентации и нравственные регулятивы. В европейской философии, начиная с платонизма и до конца XX века преобладала «элементарная модель» человека как «вторичного элемента» реальности, подчиненного «целому» – миру, бытию, Богу. И этот элемент окружен оболочкой чужеродной ему природной и социокультурной среды. Как отношения части и целого выглядели и отношения между человеком и бытием.

Философско-антропологическое и социально-антропологическое измерение человека как духовно открытой сущностной структуры, способной к бесконечному расширению границ своего внутреннего мира и готовности к культурному диалогу, в отдельных современных исследованиях получает интегративное методологическое значение и выполняет роль основания

для комплексного исследования ментальности человека и всех взаимосвязанных с ней социальных феноменов [8] и нравственно-правовых отношений.

Вопрос соотношения феноменальной специфики права и морали как частное проявление волновал и до сих пор волнует философов, правоведов, теологов. Обзор имён показывает, что в их в ряду находятся: И.А. Ильин, В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Б.А. Кистяковский, И.В. Михайловский, П.Н. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, И.А. Покровский, Е.Н. Трубецкой, С.Л. Франк; в современный период – это А.А. Гусейнов, А.И. Титаренко, Н.Н. Крутов, Л.М. Архангельский, О.Г. Дробницкий, Е.А. Лукашева, Г.В. Мальцев и др. О взаимодействии права и морали писали Н.С. Таганцев, И.И. Карпец, Н.Ф. Кузнецова, С.И. Никулин, А.А. Тер-Акопов, А.И. Бойко, С.В. Тасаков. Очевидно, что подобный вопрос должен быть поставлен и решен прежде принятия закона, но не после вступления его в силу, уже в процессе реформирования, когда количество законотворческих усилий, направленных на улучшение содержания закона, не переходит в его желаемое качество. Сбалансированное уравновешенное взаимодействие права, морали, религии, культуры и иных социальных регуляторов гармонизирует социум через, способствует снижению социальной напряженности в обществе в целом, реализации задач уголовного законодательства.

Общепринятый постулат о том, что нормы права содержат в себе моральные нормы или отражают их, означает существование определенного социально-правового механизма, обеспечивающего отражение содержания моральных норм в иную, в частности, правовую систему. Нравственное наполнение актуально для всех отраслей права; особо значим этот процесс и результат для уголовного права, как отрасли, что наиболее существенно затрагивает права и свободы граждан. Не предрешая вопроса о приоритетности морали над правом или, напротив, права над моралью, но исходя из паритетности их значимости в деле обеспечения миропорядка, обозначим, что сообщение морали и права между собой обеспечивается на их структурном уровне. Ценность такого взаимодействия состоит в качественном совершенствовании законодательства. Характеристика собственно механизма отражения норм морали в нормах уголовного права сегодня заслуживает отдельного внимания. Исходя из того, что мораль – многоуровневое и структурированное образование, возникают вопросы о степени обобщности моральной нормы, для того, чтобы законодатель воспринял её в качестве модели, образца, содержательного компонента уголовно-правовых норм; о том, какой структурный элемент нормы морали трансформируется в уголовно-правовую норму и проч. Перспективным является изучение обратной связи (уголовное право-мораль). Это «маятниковое» движение:

“мораль – право – право – мораль” обнаруживает многочисленные парадоксы, противоречия, которые являются импульсом, генерирующим это движение.

С. С. Алексеевым подчеркивается, что вопрос о взаимосвязи морали и права освещается, главным образом, под углом зрения только уголовно-правовой проблематики. «Действительно, - писал он, - с генетической стороны именно уголовно-нормативная регламентация людских поступков и уголовное преследование наиболее тесно, по сравнению с иными подразделениями системы права, связаны с моралью» [4, с. 160].

Анализируя социальность, детерминированную антропологической спецификой, отметим, что социальная функция морали, как минимум, двойка. С одной стороны, мораль является регулятором общественных отношений, ориентиром, определяющим должностное поведение в поведении людей в отношении друг к другу, обществу, Отечеству. С другой стороны, которая является продолжением ее социально-регулятивного проявления, мораль служит основой права в его формальном выражении – законодательстве. По мнению Е.А. Лукашовой, «право в целом подлежит моральным оценкам, природа права определяет необходимость его нравственного содержания, поскольку практически не существует социальных связей, которые не подлежали бы моральным оценкам, а стало быть, и моральному урегулированию. Моральность права, по мнению ученого, - проявление его ценностной характеристики» [12, с. 128, 137]. Таким образом, нормы морали проникают в правовую материю, определяя качество правовой системы. Качество в этом случае следует рассматривать не как однозначную положительную характеристику, не как противоположность «некачественности» права. Право может соответствовать нормам морали, господствующей в тот или иной исторический период, и такое право можно обозначить как моральное.

Право, закон вне зависимости от его качественности (в данном прочтении – моральности) также как и мораль включено в систему социальных регуляторов. Его действие (правоприменительная практика), в отличие от действия морали, наглядно, может подлежать измерению, оценке. Применение норм права имеет определенную формальность; основанием для «включения» правовых норм является поведение, их нарушающее. Девиантное поведение одновременно противоречит формально-юридическим нормам и нормам морали, поскольку они, нормы, находятся в корреляции друг с другом. В своем повседневном бытии люди придерживаются, в первую очередь, моральных заповедей. Для такой категории людей формальный запрет законодателя служит информативным ориентиром, определяющим меру возможного и запрещенного. Для других же лиц, способных на игнорирование нравственных установок, именно правовой запрет функционирует как непосредственный социальный

регулятор, удерживающий их от противоправного поведения. Отсюда – нравственность общества создает условия для снижения вариантов противоправного поведения.

Отметим, что недостаточная обращённость права к социометафизическому миру человека и его духовности в настоящем, а также теоретический анализ этого аспекта как базовой основы нравственности - очевидны. Это имеет отношение и к тому, что противоречивые «образы человека» на всех уровнях постановки и решения проблемы человека XIX–XX вв. последовательно связываются с принадлежностью его к обществу и с деятельностью человека, во-первых, как родового существа, во-вторых, как самоутверждающейся личностной индивидуальности, в-третьих, как практически деятельного и самореализующегося человека как этнорасового и культурно-типического существа с мерой конституционализма и инвайронментализма. На наш взгляд, глубинное изучение ценностных оснований практической деятельности и самосознания в аспекте их модуляции в реальные исторические традиции возможно только через этнический и культурно-типический субстрат мировоззрения личности, с которым они глубинно связаны в своей антропологической основе.

Современные конструкции философской антропологии не обходят вниманием понятие «личностной аксиосферы» - не абстрактное, а конкретное, имеющее отношение к конкретной личности, её индивидуальности и самосознанию, исходящего из её структурной организации и организации субстрата мировоззрения. Потому проблема метафизических границ личности во многом суть отражение структурированности субстрата мировоззрения индивида, его ценностной сферы, в которой сегодня всё большее место занимает метакультура как система высших ценностей, знаний, экзистенциальных смыслов и технологий. Метаценности субъекта как основа духовной жизни на объектном уровне существуют и вписываются в познание как образы-ценности, означая принадлежность к Творению. Духовное восхождение православного человека от объектного уровня к метауровню как одухотворение суть вытеснение бесконечным конечного, понимается как смысл самой истории, что у П. И. Новгородцева показано через законотворчество.

Для православных русских мыслителей, в отличии от западников, Родина и Истина нерасторжимо связаны православием как духовной основой русской народной жизни. В этом - стремление постичь истину человеческого существования внутри православно-русского, желание открыть его объективно-истинное значение, идею Божию о нём, а тем самым, выяснив его промыслительную роль в мире, по-новому осмыслить и мир в свете ценностей православно-русского. Так зародилась славянофильская метафизика России и русского бытия, культурно-историческими корнями восходящая к архетипической идее Святой Руси, её старинному

богословию. Отсюда глубоко традиционным образом в русскую философию вошла тема метафизического познания России, породившая задачу построения религиозно-философского учения о русской культуре, русской исторической судьбе, а также проблематику уяснения универсальных проблем бытия мира и человека из луча русского православного духа, из смысла российского предназначения. Ценностно-смысловым центром пространства метафизического мира индивида, его самосознания становятся православные духовные ценности и их иерархия, влияющая на своеобразие мироощущения, самобытность жизненных практик и повседневных идеологий. Центральную часть составляют первичные «смыслы», «образцы» как базисные элементы культуры, формирующие константные модели духовной жизни - переживание, сопереживание и мобилизацию комплекса этих смыслов как в духовном, так и в гражданском отношении.

Субстратность имплицитно содержит основы вероятностной модели социального поведения человека, актуальной в условиях изменения ценностно-мотивационной системы. Данная модель формируется в 2013г. в отечественной науке на основе вероятностной логики с целью прогнозирования [14, с. 297-299, 304] для ситуаций кризисного развития общества. В модели используется вероятностный язык описания мира и его логические основания. Как это видно в современной философской антропологии, в системе языка и культуры генетика детерминирует ментальность, после чего ментальность конструируют ценности, метафизический мир личности и тенденцию к развитию субъектного «я» и гражданского самосознания.

Таким образом, современная антропология как «синтетическая» наука фокусируется на изучении соматопсихической, организменно-средовой и личностно-социокультурной целостностей, существующих в их пределах иерархических уровней [3, с. 1297], в которых выстраивается исследование метафизического мира личности, её самосознания, прав и свобод. Уровни обеспечивают методологический синтез философского и научного знания о человеке в единую картину посредством общенаучных методов, принципов системности и комплексности в познании. Таким образом, конструирование социальной реальности человеком предопределяется метафизическим конструированием.

Современный мир с его возрастающими коммуникативными возможностями не представляется разделённым на замкнутые цивилизационные круги, развивающиеся автономно и независимо друг от друга. Историческая миссия и оправданность существования таких государств как Россия в Новейшем времени во многом связаны именно с поиском оптимальной модели межкультурного взаимодействия, пригодной для решения социальных и правовых

проблем. Поэтому потребность в формировании самостоятельного теоретического базиса для исследований человеческого онтоса означает изучение ценностных оснований практики, творчества и законотворчества в аспекте их модуляции в реальные исторические традиции, что эффективно осуществить через этнический и культурно-типический субстрат мировоззрения личности, с которым они глубинно связаны в своей антропологической основе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулмянова И.Р. Теоретические основы формирования профессионального тезауруса переводчика // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 1. – С. 30-31.
2. Агапов О.Д. Социальная философия и синергичная антропология. //Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте. / сост. отв. и науч. ред. С. С. Хоружего. М.: Прогресс-традиция. 2010. – С. 732-739.
3. Алексеев А.А. Интегративная (системная, семейная) соединительнотканная медицина: Т. 3. М.: ЛЕНАНД. 2005. – 1540 с.
4. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма. 2002. – 630 с.
5. Дубровский Д.И. Природа человека, массовое сознание и глобальное будущее // Глобальное будущее 2045: Антропологический кризис. Конвергентные технологии. Трансгуманистические проекты: Материалы первой Всероссийской конференции, Белгород, 11-12 апреля 2013 г. / Под ред. Д. И. Дубровского, С. М. Климовой. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2014. – С. 188-199.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. Харьков: Фолио; М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс. 2001. – 896 с.
7. Ильин И. А. Родина и мы. Смоленск. Изд-во «Посох». 1995. – С. 434.
8. Клименко И.И. Свобода и христианство. СПб.: Изд-во РХГА. 2016. – 223 с.
9. Лопатин Н.М. Вопрос о свободе воли [III вып. Трудов Московск. Псих. Общества. М., 1889, – С. 132]
10. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Paris: YMCA-PRESS. 1931. – 130 с.
11. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: Волтерс Клувер. 2009. – 608 с.
12. Лукашова Е.А. Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М.: Норма. 2009. – 384 с.
13. Максютова З.Г. Ценностные ориентации как фактор развития личности. // Материалы за VIII международна научна практична конференция, 17-25 февруари «Бъдещите

изследования», Ред. Милко Тодоров Петков. - 2012. Том 26. Философия. Музыка и живот. София. Бял ГРАД-БГ» ООД – С. 20-24.

14. Налимов В.В. Облик науки. СПб.М.: Центр гуманитарных инициатив.2013.–368 с.

15. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М. Изд-во «Пресса». 1991. – 640 с.

16. Песоцкая Е.Н. Этнический менталитет как фактор сохранения культурных и национальных традиций в условиях процесса глобализации (социально-философский анализ): монография / Современные социально-политические процессы в регионах России и мира. Краснодар: АНО «Центр социально-политических исследований. «Премьер». 2011. – С. 28-54.

17. Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте / сост. отв. и науч. ред. С.С. Хоружего. М.: Прогресс-традиция, 2010. – 929 с.